

Beata Wegnerska

Лиризм в повести Л. Ф. Зурова "Кадет"

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 5, 149-155

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИРИЗМ В ПОВЕСТИ Л.Ф. ЗУРОВА *КАДЕТ*

Beata Wegnerska

*Uniwersytet im. Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz, Polska
beaw@interia.pl*

Ключевые слова: *лиризм, лирический сюжет, повесть, природный мир, духовность*

Русская эмиграция XX века – явление огромное и в мировой истории беспрецедентное. Напомним, что в 1917 году в положении русских за границей произошли кардинальные изменения: появился непреодолимый барьер между Россией и зарубежными странами, как западными, так и восточными. Ни в одной культурной области не чувствуется так разделение России на две половины – Россию советскую и Россию зарубежную, как в русской литературе, органически связанной с жизнью страны, ее бытовыми условиями, ее обстановкой и традициями. Несмотря на это, именно литературе предстояло выполнить одну из самых ответственных в эмиграции задач – преодолеть разрозненность, сохранить единство языка и культуры. Творцам зарубежной литературы в большинстве удалось выполнить эту задачу, и в настоящее время, когда изучение литературы русского зарубежья стало фактом, ученые и любители русской литературы могут восхищаться словом, написанным в рассеянии.

К сожалению, хотя результаты изучения русской зарубежной литературы значительны, и существуют писатели, еще ожидающие своей очереди в изучении их творчества. Среди имен, не исследованных в Польше можно назвать Леонида Федоровича Зурова (1902-1971), произведения которого еще только возвращаются и в должной мере не вошли в литературный обиход. Зуров стал известен как писатель в 1928 г., когда в рижском издательстве *Саламандра* вышли первые его книги (сборник *Кадет* и повесть *Отчина*) [Дранов 1997: 257-259]. Эти первые писательские опыты сразу привлекли внимание русских писателей И. Куприна, Ю. Айхенвальда, И. Шмелева и И. Бунина. Последний вел активную переписку с Зуоровым между 1928 и 1929 гг., затем в ноябре 1929 г. финансово помог Зуорову переехать на юг Франции. После смерти Бунина Зу-

ров переехал на его парижскую квартиру, хранил, разбирал и публиковал архив лауреата Нобелевской премии. Сам публиковался в журнале „Новоселье”, а лучшие его рассказы были изданы в сборнике *Марьянка* [Струве 1996: 14, 52, 135, 147, 165, 204, 205, 313].

Высокой оценки заслуживает повесть Л. Зурова *Кадет* (1928) [Зуров 2005: 3]. Повесть имеет автобиографический характер и знаменовала начало писательского пути молодого автора, который в ней сразу предстал во всем блеске своего дарования: художественная ткань его прозы была выработана столь тщательно и умело, что потрясла совершенством даже маститых литераторов; своим трепетным пером Зуров ярко отобразил тончайшие душевные переживания, а событийный фон был им выписан столь убедительно и достоверно, как это смог сделать лишь живой свидетель и участник описываемых ситуаций. Появились печатные отклики, один из них принадлежал перу Ивана Бунина и был напечатан в парижской газете „Россия и славянство” 12 января 1929 года. В этом отклике есть такие бунинские строки: «Подлинный, настоящий художественный талант – именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает...» [Зуров 1962]. Внимание повести *Кадет* уделили также А. Куприн, Ю. Айхенвальд и И. Шмелев.

А. Амфитеатров отмечал, что *Кадет* заметно выделялся среди других произведений [Фоминых 1997: 246-247]. Все пишущие о *Кадете* подчеркивали в повести «безукоризненный русский язык, сдержанный тон, отсутствие громких слов и ложного пафоса». В ряду комплиментарных рецензий выделялась однако статья Г. Адамовича, в которой он расценивал повесть *Кадет* так: «очень похожа на личные воспоминания». Рецензент подчеркивал также, что *Кадет*, действительно, волнует, но «это волнение не художественное, а как бы жизненное, т.е. первичное, не очищенное и недолговечное, без отзвука в душе, без резонанса» [Фоминых 1997: 247]. С этими словами нельзя согласиться.

Как многообещающее начало восприняла первые опыты Л. Зурова эмиграционная критика и сразу ставила *Кадета* в первые ряды молодой эмигрантской литературы [*Российское...* 2008: 603-604]. Как о крупном новом явлении русской литературы писал об авторе *Кадета* Борис Зайцев: «Начальная глава повести написана таким сжатым, точным и образным языком, отличается таким вкусом и такой художественной убедительностью, что не возникало никаких сомнений: перед нами писатель, подлинный, хорошей пробы писатель» [Зайцев 1929: 9].

Повесть Зурова, действительно, заслуживает внимания и следует определить ее место среди художественно-автобиографической прозы русской эмиграции так называемой первой волны русской эмиграции. Произведение посвящено событиям революции и гражданской войны, показанным глазами 15-летнего ярославского кадета Мити Соломина. В повести событийная канва еще выстраивается в хронологическую цепочку. Однако при всей драматичности, суровости изображаемых событий для главного героя и для всей России в повести присутствует второй план – лирико-субъективное «сопровождение». Лиризм в повести Зурова проявляется на уровне авторских лейтмотивов, организуемых движением лирической эмоции. Эксплицитное выражение лирической

эмоции проявляется у Зурова гораздо реже в непосредственных, психологических поэтических пассажах.

События сюжета *Каде́та* происходят в течение нескольких месяцев 1917-1918 годов. Главный герой воспринимает последовательно развивающиеся жизненные ситуации, связанные с неудавшейся попыткой ярославских кадетов вместе со своими командирами отстоять город от красных и выполнить свой долг перед Родиной так, как они его понимали. Итогом является вынужденная эмиграция. Лейтмотивная основа в повести организована сложнее. Видна ее антиномичность, которая постепенно становится выражением слиянной цельности мировосприятия героя. Антиномичность зуровской лирической эмоции заключается в печали, которая проявляется, с одной стороны, в сожалении об ушедшей жизни, об утерянном рае (для Мити рай – жизнь в дореволюционной России), с другой стороны, печаль – недоумение о причинах разыгравшейся трагедии, свидетелем которой был Митя.

Заметим, что мотив утраченного рая прослеживается уже в самом начале повести: «Утром он [Митя – Б.В.] долго шурился, потягивался и радостно думал, что труба горниста не побеспокоит его, что он может, натянув на голову одеяло, спать сколько угодно» [Зуров 2005: 3]. Лирическое начало у Зурова проявляется так, как это свойственно Бунину, то есть, в образе внешнего мира, воссоздаваемого сквозь восприятие героя. Зуров показал раннюю юность Мити сквозь светлые природные явления: «Солнечные четырехугольники осторожно ползли на полу, карабкались по ножкам столика, чтобы, встретив на пути графин, радужно расколоться на его гранях. Откинув одеяло, Митя подбежал к окну. Солнце било прямо в глаза, крепло от утреннего холодка тело. Яблоневый сад сбегал к обрыву. Меж двух старых дубов розовело дрожащее под солнцем озеро, и были видны прибрежные пашни, всползавшие на горку, с которой по праздникам белая колокольня посылала легкие волны неторопливого, чуть дребезжащего звона. Все это было знакомо с детства, но все оживало и загоралось новыми красками в начале каждого приезда из корпуса и наполняло ощущением прибывающего счастья» [Зуров 2005: 4].

Подчеркнем, что русский пейзаж оказывается нужным для осмысления судеб родины и народа. Особенно многозначным он был в прозе русской эмиграции, нес дополнительную семантическую нагрузку, передавая нежность автора, его ностальгию, его боль. Борис Зайцев задавался в свое время вопросом: «внутренне не оказывается ли Россия главным действующим лицом – тогдашняя ее жизнь, склад, люди, пейзажи, безмерность ее, поля, леса и т.д. Будто она и на заднем плане, но фон этот, аккомпанемент повествования чем дальше, тем более приобретает самостоятельности» [Зайцев 1999: 13].

Лирические эмоции начала повести выражают детски-доверчивое отношение героя к жизни и его уверенность в том, что все складывалось отлично в мире Мити. Мотив гармонии и непоколебимости бытия выражен в повторах: «В семнадцатом году, когда отцвела сирень, жасмин зацвел так же буйно, как и в прошлый год. После дождя пахнувшие молодыми огурцами почки лопнули, и пчелы повели на цветы свои звонкие полки. В семнадцатом году казалось, что мед будет пахнуть жасмином» [Зуров 2005: 6].

Представляя образ окружающего Митю мира, автор указывает на естественную связь, целесообразность всего природного мира: «В камышах у островка вывелись утки. По вечерам у озера, где в прохладной полутьме звенели комары, кто-то невидимый плескался и бил по воде ладонью, – играла крупная рыба. Днем солнце сушило густые цветущие травы, ягоды и веселое пнище, где пни сухие, словно серебряные, стояли, подставляя под лучи свои плоские потрескавшиеся лбы» [Зуров 2005: 6-7].

Активное движение в смысле сюжета и событий начинается в четвертой главе, когда главный герой едет в Ярославль, в училище. Из письма кадета Лагина Митя узнал, что генерал Корнилов объявлен изменником и что надо начинать борьбу. Однако лирический тон продолжает звучать как мелодия тишины, нормальной жизни, которую нельзя нарушать. В дальнейшем Митя часто вспоминал знакомые предметы, пейзажи, звуки и запахи. Особенно запах антоновки.

Трудно не заметить аллюзии на тексты И. Бунина, с которым Зуров был очень близок. Напомним, что в ноябре 1929 г. Зуров переехал в Грасс и стал его личным секретарем [БФРЗ: Л. 5.]. Заметим, что Г. Струве относил Л. Зурова к т.н. «бунинской школе» [Фоминых 1997: 183]. В зуровском тексте много намеков на прозу Бунина. Примером может быть хотя бы словосочетание: «тепло уходящего дня» или росшие «на обрыве» сосны относятся к рассказу *Несрочная весна* (1923) Бунина. Заметим, что весна, как любое время года, циклична. Следовательно, словосочетание «несрочная весна» семантически парадоксально. А прилагательное «несрочная» не может сочетаться с существительным «весна» вне метафорического контекста. Из главной темы можно сделать вывод, что «несрочная весна» – схожа по семантике с «вечной весной», которую обретает человек после смерти, когда теряет ощущение времени. Таким образом, Бунин уже в заглавии своего рассказа устанавливает связь с эстетикой «золотого века» русской культуры и акцентирует смысловые доминанты вечности и времени [Вилесова 2011].

Поэтизация устойчивых начал уклада жизни у Зурова связана с его восприятием соборности российской жизни. Уже в начале произведения дано мышления матери Мити, когда тревогу вносили только слухи: «Дорогой она думала, что крестьяне любят ее за частую помощь, за бесплатное лечение, за подаренную им несколько лет тому назад тысячу десятин земли. Она вспоминала, как мужики отстаивали во время пожара надворные постройки» [Зуров 2005: 12].

Писатель указывает нескольких эпизодических персонажей, выполняющих важные функции. Одним из них является лесник Михаил, от которого Митя узнал, что мужики начали делить покосы и что в Марковском лесу произведены крупные порубки. Михаил спас Митю от жестокой мужицкой вольницы.

Важным персонажем в *Кадете* является бывшая няня, к которой попал раненый Митя. Она приняла его и предложила все свои сбережения. Митя от них отказался и тогда няня сказала ему о своем решении передать деньги в церковь.

В лирическом сюжете повести эмоция печали, сожаления об утраченном рае выдвигается на первый план в эпизоде прощания Мити с родиной перед вынужденным отъездом в эмиграцию: «Глядя на холодные воды Невы, на

громадный простор, раскинувшийся над Адмиралтейством, на затянутую лиловатым туманом „Аврору”, Митя чувствовал, что в его сердце не было злобы, а лежала лишь тяжелая горечь утраты» [Зуров 2005: 102]. Эмоции печали, сожаления, трагедии переплетаются здесь с чувством разрушения, утраты бытия бывшей жизни.

В тексте много драматических событий, показанных сквозь призму разрушительных начал бытия. Много жестоких эпизодов, представленных очень сдержанно. Например, когда солдаты выбрасывают Митю из поезда, перед этим едва не повесив его. Затем сцена разрушения мужиками имения, когда жизнь Мити висела на волоске, или гибель в Ярославле семьи любимой девушки Мити Ани Шатиловой.

Как справедливо констатирует В. Захарова, все лирические эмоции взаимодействуют между собой, а образ России встает в своей непостижимой цельности [Громова 2012: 72]. Литературовед отмечает: «Ветер разносил по полям паровозный дым, кружил над широкими российскими полями. Боль рождали открытые взоры просторы, на которых люди умели умирать, но не умели жить» [Зуров 2005: 100]. Разорванность души характерна для Мити, этого человека, воспитанного в православно-христианской системе ценностей. Отметим, что та же разорванность характерна была для всех людей, покидающих навсегда Россию после 1917 года.

Одной из линий лирического сюжета *Кадета* является также интонация христианского смирения перед неизбежной эмиграцией. Примером может быть пребывание героя повести в Риге, сначала занятой немцами, затем красными, потом армией Юденича. Здесь видно усиление христианского мироощущения Мити и его укрепление в православной молитве во время тяжелых дней. В этом плане повесть Зурова во многом наследует традиции *Капитанской дочки* А. Пушкина. Отметим, что И. Есаулов подчеркивает соборное начало русской жизни в пушкинской повести и выделяет эпизоды, в которых «автором эксплицируется действенность молитвы» [Есаулов 1995: 55].

Несомненно, повесть Л. Зурова является одним из заметных свидетельств проявления доминанты соборности в русской литературе.

Подводя итоги рассуждениям о лиризме в прозе Зурова, заметим, что лирический пласт моделировал внутренний, подтекстово-ассоциативный уровень текста повести с помощью лейтмотивов, благодаря чему оказалось возможным более полное раскрытие авторского «я» в тексте. Интересным является факт, что Зуров наследовал понимание лиризма, характерное для русской классической лирики. Причем лиризм здесь автор понимал как выражение интуиции национальной духовности. Одновременно этот лиризм стал не только главной сферой авторского присутствия, но и сферой осмысления бытия.

Ко всему сказанному хочется добавить, что проза Л. Зурова является примером становления художественного сознания писателя, становления его духовности, духовной реальности. Нельзя здесь не напомнить исследований А. Любомудрова о христианской (духовной) реальности Б. Зайцева и И. Шмелева. Любомудров писал о Шмелеве, что он «воссоздает не только социально-психологическую, эмоционально-душевную сферу, но именно духовную жизнь личности» [Любо-

мудров 2003: 236], и слова о Шмелеве подходят к творчеству Зурова: «Эстетической особенностью духовного реализма Шмелева является его повышенная эмоциональность, необычайная сила вещной образной выразительности» [Любомудров 2007:17]. Со словами ученого стоит согласиться.

Библиография

- БФРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 140. Л. 5.
 Вилесова М.Л., 2011, *Семантика повествования от первого лица в рассказе И.А. Бунина «Несрочная весна»*, <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive> (17.09.2014).
 Громова А., 2012, *Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова*, Москва.
 Дранов А., 1997, *Л.Ф. Зуров, [в:] Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, под общей ред. В.В. Шелохаева, Москва, с. 257-259.
 Зайцев Б., 1929, „Россия и славянство”, 9 марта, с. 9.
 Зайцев Б., 1999, *Собрание сочинений в 5 т.*, т. 4, Москва.
 Зуров Л., 1962, *Воспоминания*, „Новый журнал”, Нью Йорк, № 69.
 Зуров Л., 2005, *Кадет*, Москва.
 Есаулов И., 1995, *Категория соборности в русской литературе*, Петрозаводск.
 Любомудров А., 2003, *Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев*, Санкт-Петербург.
 Любомудров А.М., 2007, *Интуитивное и рациональное в творческой личности И.С. Шмелева*, „Вестник ВолГУ”, Серия 8. Выпуск 6, с. 17.
Российское зарубежье во Франции 1919-2000. Биографический словарь в трех томах, том первый А-К, 2008, под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской, Москва.
 Фоминых Т.Н., 1997, *О книге Л.Ф. Зурова «Кадет»*, [в:] *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940*, т. 3. Книги., ред. А. Николюкин, с. 246-247.
 Струве Г., 1996, *Русская литература в изгнании, издание третье, исправленное и дополненное, Краткий биографический словарь русского зарубежья*, Москва.

Summary

Lyricism in the novel *Cadet* by Leonid Zurov

Research on Russian literature after the year 1917 – so called foreign, are extensive. However, there are still writers who deserve a thorough treatment of their work. Among them, worth mentioning is Leonid Zurov (1902-1971), whose works are still unknown to the general public even in Russia. The novel *Cadet* (1928), to which the above article refers, deserves attention. The novel is partly autobiographical and describes the revolution and the patriotic war through the eyes of the 15-year-old cadet Mitia Solomin. The researchers agreeably point out the lyricism omnipresent in the novel. There is also the theme of the lost paradise, Russian landscapes, triggering nostalgia in many writers-

immigrants. Presenting the image of the surrounding world, the author reveals the inextricable link between man and nature. Described emotions are in harmony with each other and the image of Russia is extremely accurate, which corresponds to the understanding of lyricism by the Russian classical literature.

Key words: *lyricizm, lyric plot, novel, nature world, spiritualit*